

Надо ли сносить памятник Давиду де Пюри? | Faut-il abattre le monument de David de Pury ?

Автор: Надежда Сикорская, [Невшатель](#) , 16.06.2020.

(DR)

Бурный поток антирасистских манифестаций, охвативших значительную часть планеты вслед за трагической смертью афроамериканца Джорджа Флойда, захлестнул и Швейцарию. Нетрадиционный для нее накал страстей дошел до призыва «снести до основания» памятник человеку, до сих пор именовавшемуся «благодетелем Невшателя». За что? Давайте разбираться.

|

La vague des manifestations contre le racisme qui a couvert une grande partie de la planète n'a pas épargné la Suisse. Les actes inhabituelles ont culminées dans une pétition

pour que l'on retire la statue d'un homme connu d'ici peu comme le bienfaiteur de la ville de Neuchâtel. Quelle est sa faute ? Essayons de comprendre.

Faut-il abattre le monument de David de Pury ?

В одном из своих эссе, теперь доступных и [франкоязычному читателю](#), писатель [Михаил Шишкин](#) (полный текст интервью с которым будет опубликован в печатном выпуске Нашей Газеты № 16, который уже можно [заказать](#)) интересно рассуждает о разнице в отношении к памятникам между Россией и Швейцарией и о памятниках вообще. Вот, к примеру, понравившийся нам пассаж: «Признак жизни памятника – не столько поклонение ему (поклонение – мертвый ритуал), но скорее борьба с ним, начиная от хулиганского пачкания или террористических попыток его взорвать и кончая сносом – с восстановлением в том или ином виде следующими поколениями».

В России к сносу памятников не привыкать – уж сколько их, по Цветаевой, упало в эту бездну. И их тоже. Кто «за дело», кто просто попав под горячую руку. Но и «новостроек» не мало – совсем недавно у нас был повод напомнить, что лишь в 2019 году на территории России было воздвигнуто 12 памятников Иосифу Сталину. Со всеми вытекающими отсюда раздирающими общество последствиями. О нашем отношении к этому мы уже [писали](#). Что же касается сноса памятников, то тут все сложнее, ведь и они – часть истории, переписывание которой мы не поддерживаем.

В Швейцарии к памяти относятся, в целом, более бережно, чем в России, хотя памятников тут, в сравнении с Россией, раз-два и обчелся, а снести какой-то монумент – затея почти безумная. Вспомните реакцию общественности, когда обливали краской женевских [реформаторов](#), [Русскую церковь](#) или знаменитого [люцернского льва](#), того самого, о котором писал Лев Толстой. Вандалы – таков был единогласный приговор. И тем не менее...

Памятник Давиду де Пюри в Невшателе (Photo - Emmanuel Gehrig)

«Не хотим больше памятник рабовладельцу! За снос памятника Давиду де Пюри!»
Таковы основные тезисы петиции, запущенной на прошлой неделе организацией
«Коллектив за сохранение памяти» и адресованной «федеральным и кантональным
властям и/или муниципалитету Невшателя».

Не думаем, что кто-то из наших читателей – за исключением, может, живущих в
Невшателе, – знает, кто такой Давид де Пюри, и почему вокруг его фигуры бушуют
такие страсти. Рассказываем.

Он родился 19 января 1709 года в Невшателе, в многодетной семье путешественника
и исследователя Жана-Пьера Пюри.

В 1726 году, то есть в возрасте 17 лет, Давид покидает родной дом и, под стать
Ломоносову, отправляется пешком в Марсель, где, под началом известного
негоцианта Исаака Тартейрона, осваивает азы морской торговли, бизнеса
прибыльного, но и рискованного. Закончив обучение и повысив квалификацию в
Лондоне, он получает, в 1730 году, место в английской South Sea Company (SSC),
одной из крупнейших компаний, деливших между собой международные морские
рынки, но занимавшейся и работорговлей между Европой, Африкой и Америкой.

Давид де Пюри быстро снискал репутацию трудолюбивого сотрудника с отличной
деловой хваткой и чутьем, особенно в том, что касается определения соотношения
между риском и возможной прибылью. Великобритания эти его качества оценила и
одарила английским гражданством. Но паспорт с короной не удержал его на
туманном острове, и в 1736 году он уже в Лиссабоне, где основывает фирму по
добыче и коммерциализации бразильских бриллиантов – их месторождения было
обнаружено в 1725 году, но до 1729-го скрывалось португальским королевским
домом. Пользуясь своей профессиональной репутацией и многочисленными связями
в разных странах, Давид де Пюри добивается успеха и на этом поприще, получив
эксклюзивные права на эксплуатацию месторождения в пользу королевского дома
Португалии. В 1762 году он становится официальным банкиром португальского
короля.

Портрет Давида де Пюри работы Томаса Хике до сих пор украшает один из залов мэрии Невшателя, построенной на его деньги

В этой головокружительной истории успеха есть бемоль, который и всплыл сейчас на поверхность. Дело в том, что основным источником дохода швейцарца были не бразильские золотоносные мины, а принадлежавшие ему рабы, трудившиеся в его владениях в Суринаме (где его поместья символично назывались «Helvetia»/«Гельвеция» и «La Liberté»/«Свобода») и в Южной Каролине, в поместье «Purysburg». Рабы из Мозамбика были доставлены на оба адреса на судах, именовавшихся «Pays de Vaud» et «Ville de Lausanne». Реклама для Швейцарии сомнительная, что говорить, но дело для той поры вовсе не из ряда вон выходящее – на том и держалась процветавшая тогда так называемая «треугольная торговля», принцип которой был прост. По мере развития колониальных империй, капитаны стремились повысить выгоду от своих поездок через Атлантический океан. Так, например, сформировался британский колониальный маршрут: из Новой Англии соленая рыба и лес отправлялись в британские колонии в Вест-Индии, сахар и патока с островов продавалась в Великобританию, а промышленные товары из Великобритании покупались в Новой Англии. Но самой прибыльной в 16-18 веках была трансатлантическая работорговля: рабы из Западной Африки отправлялись в Карибский бассейн и американские колонии, оттуда шли в Европу зерновые и сырье, а промышленные товары продавались в Африку. Известно, что Давид де Пюри являлся акционером компании, приобретшей в Анголе более 42 000 человек.

В 1785 году король Пруссии Фредерик II, друживший, кстати, с Вольтером и выступавший за «просвещенный деспотизм», пожаловал Давиду де Пюри дворянский титул, превратив в барона де Пюрри. Но в этом качестве новоявленному барону было суждено прожить всего один год – в 1786 году он скончался в Лиссабоне. Его могила на так называемом Английском кладбище, заброшенная в течение почти столетия, была восстановлена усилиями швейцарского консула в Лиссабоне в знак благодарности Невшателю своему благодетелю.

Вот мы и добрались, наконец, до сути.

В своем завещании, нотариально заверенном 30 января 1777 года, через два года после остановки в Невштателе проездом, Давид де Пюри официально заявил, что женат никогда не был, детей ни законных, ни незаконных не имел, то есть наследников не было. Третью своего солидного состояния он решил оставить частным лицам и родственникам, а две трети – Невшателю, с тем чтобы деньги эти пошли на благо его родного города и всей Швейцарии.

Могила Давида де Пюри на Английском кладбище Лиссабона (Photo - Katia Meia)

Однако к 22 мая 1786 года состояние де Пюри настолько возросло, что он счел нужным переделать завещание. В итоге Невшатель, где проживало тогда 2000 человек, получил в наследство 2 250 000 турецких ливров – так называлась одна из основных валют Франции в около 1230 - 1795 гг., упраздненная во времена французской революции. В приблизительном пересчете это получается около 600 млн шв. франков. Для сравнения, годовое жалованье невшательского учителя составляло тогда от 24 до 30 ливров.

Щедрый дар был использован по назначению. На эти деньги в Невшателе были построены хоспис, первая в Швейцарии публичная библиотека, здание мэрии, латинский колледж, колледж для девочек (где сейчас располагается Музей естественной истории), проложена трасса la route du Plan и даже осуществлено изменения направления реки Сейон, не говоря уже о серьезных вложения в

постройку железной дороги в районе Юры.

Есть за что городу быть благодарным? Безусловно. Именем Давида де Пюри была названа главная городская площадь, посередине которой 6 июля 1855 года была торжественно открыта бронзовая статуя на пьедестале, созданная семью годами ранее скульптором Давидом д'Анже. Та самая статуя, которую авторы петиции просят теперь снести и установить на ее месте «мемориальную доску в память о всех прошлых и нынешних жертвах расизма и белого супрематизма».

Надо сказать, что прошлое, запятнанное ассоциациями с работорговлей и расизмом, не в первый раз наступает на пятки муниципалитета Невшателя. В 2019 году городские власти переименовали Пространство имени Луи Агассиса, что на территории Филологического факультета Университета Невшателя, в Пространство имени Тило Фрей, в честь одной из первых женщин (да еще темнокожих!), выбранных в Федеральный парламент в 1971 году. Всемирно известному естествоиспытателю Агассису, одному из основоположников гляциологии, члену Национальной академии наук США и иностранному члену Лондонского королевского общества, припомнили тогда произнесенные в 19 веке расистские высказывания.

Ожидает ли Невштатель новая смена табличек, мы сообщим, как только решение будет принято. Однако один вопрос возникает уже сейчас: допустим, памятник снесут, а что будет со всеми построенными на деньги мецената-рабовладельца богоугодными заведениями?

[памятники культуры](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/nado-li-snosit-pamyatnik-davidu-de-pyuri>